

DOI: 10.35852/2588-0144-2022-3-117-136
УДК 791.43-252.5:791.44.071

С. Н. Дединский
Киностудия «Союзмультфильм»,
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1396-8251

Геннадий Шпаликов приходит в анимацию: материалы к истории создания фильма «Жил-был Козявин»

АННОТАЦИЯ

Считается, что дебютный анимационный фильм Андрея Хржановского «Жил-был Козявин» позволил раскрыться с новых неожиданных сторон прославленному сценаристу эпохи оттепели Геннадию Шпаликову («Я шагаю по Москве», «Застава Ильича», «Долгая счастливая жизнь» и т. д.), который впервые выступил в качестве автора сценария мультфильма. В действительности при детальном знакомстве с текстом первых вариантов литературного сценария «Жития Козявина», созданного на основе нескольких произведений Л. Лагина, выясняется, что к моменту завершения съемок мультфильма на экране уже мало что осталось от первоначальных идей сценариста. Фактически первые работы Хржановского в кино (как «Жил-был Козявин», так и «Стеклянная гармоника») имеют не так уж много общего с замыслами Шпаликова, который, как показывает анализ его кинодраматургии, тонко чувствовал природу анимационного языка и хорошо разбирался в мультипликации.

В рамках статьи впервые публикуются отрывки из разных версий литературного сценария «Житие Козявина», которые не были экранизированы или оказались существенно изменены при разработке режиссерского сценария, а также сохранившиеся стенограммы обсуждений постановки на заседаниях Художественного совета киностудии «Союзмультфильм» (выступления Г. Шпаликова, А. Хржановского, Ф. Хитрука, Л. Атаманова, В. Брумберг, А. Снесарева, М. Валькова и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Советский кинематограф эпохи оттепели, «Жил-был Козявин», «Житие Козявина», Геннадий Шпаликов, Андрей Хржановский, Лазарь Лагин, Фёдор Хитрук, «Союзмультфильм», Микки Маус, «Диснейленд».

DOI: 10.35852/2588-0144-2022-3-117-136
УДК 791.43-252.5:791.44.071

Stanislav N. Dedinskiy
Soyuzmultfilm Film Studio,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1396-8251

Gennady Shpalikov enters animation: Documents related to the production history of “There Lived Kozyavin”

ABSTRACT

It is believed that Andrei Khrzhanovsky's debut animation “There Lived Kozyavin” allowed the famous screenwriter of the Thaw era Gennady Shpalikov (“I'm Walking Around Moscow”, “Ilyich's Gave”, “A Long Happy Life”, etc.), who first acted as an author of a script for an animated film, to reveal new unexpected aspects of his talent. In fact, upon a closer inspection of the first versions of the screenplay (“literary script”) called “The Life of Kozyavin”, created on the basis of several works by Lazar Lagin, it turns out that by the time the filming was completed, little was left on the screen of the screenwriter's original ideas. Moreover, the first film works of Khrzhanovsky (both “There Lived Kozyavin” and “The Glass Harmonica”) do not have that much in common with the ideas of Shpalikov, who, as an analysis of his screenwriting shows, had a keen appreciation of the nature of the animation language and was quite well versed in animation in general.

In this article, excerpts from different versions of the screenplay “The Life of Kozyavin” are published for the first time: they were not filmed or were significantly changed during the development of the shooting script. The article also includes excerpts from the surviving transcripts of the production's discussions during the meetings of the Artistic Council of the Soyuzmultfilm Studio (including speeches by Shpalikov, Khrzhanovsky, Fyodor Khitruk, Lev Atamanov, Valentina Brumberg, Arkadiy Snesev, Mikhail Valkov, and others).

KEYWORDS

Soviet cinema of the Thaw era, “There Lived Kozyavin”, “Life of Kozyavin”, Gennady Shpalikov, Andrei Khrzhanovsky, Lazar Lagin, Fyodor Khitruk, Soyuzmultfilm Studio, Mickey Mouse, Disneyland.

Поразительно, насколько плохо изучено и осмыслено литературное наследие одного из наиболее прославленных авторов эпохи оттепели – Геннадия Шпаликова. С одной стороны, относительно недавно были опубликованы его биография, изданная в серии «Жизнь замечательных людей» [1], и сборник воспоминаний, составленный кинорежиссером Андреем Хржановским [2]. С другой – до сих пор нет сколько-нибудь полного и комментированного собрания сочинений Шпаликова, охватывающего все этапы жизни этого поэта и сценариста: существующие книги преимущественно тиражируют лишь архивные находки прежних лет. Но что удивительно, по-прежнему никем не проведена серьезная текстологическая работа с кинематографическим наследием кинодраматурга, не сличены друг с другом многочисленные версии сценариев к тем или иным фильмам, не прослежены и не выявлены связи между произведениями разных лет, не осмыслена их поэтика... Особенно плохо обстоит дело в области, которая в России традиционно лишь по касательной интересует киноведов и историков кино, – истории отечественной анимации.

При чтении биографии сценариста, написанной исследователем А. Кулагиным, может сложиться впечатление, что «недолгий – и непростой – «роман» Шпаликова с мультипликацией» [1, с. 217] начался лишь во второй половине 1960-х гг., когда его карьера уже пошла под гору после «провала» «Долгой счастливой жизни» и снижения интереса к его творчеству со стороны крупных киностудий [2]. В действительности этот «роман» начался на пике карьеры Шпаликова, еще до премьеры ленты «Я шагаю по Москве» (1964) и выхода многострадального фильма «Застава Ильича» (в 1965-м – под прокатным названием «Мне двадцать лет»): 24 февраля 1964 г. Шпаликов подписал договор на подготовку литературного сценария звукового художественного мультипликационного фильма в двух частях под условным названием «Житие Козявина», который в дальнейшем превратился в анимационный дебют Андрея Хржановского «Жил-был Козявин» (1966).

«Диплом мне предложили – в порядке эксперимента – делать на студии “Союзмультфильм”, – вспоминал Хржановский. – Это было неожиданное предложение, и я не сразу на него согласился. Все решила тема: мне были предложены на выбор несколько сказок М. Салтыкова-Щедрина. Г. Шпаликов согласился написать сценарий. Художник А. Бойм уже начал работать над эскизами... Как вдруг является Гена в своем пальто и достает из кармана книгу сатирических сказок Лазаря Лагина, автора популярного “Старика Хоттабыча”. “Прочти-ка вот это”, – протягивает он мне книгу, раскрытую на сказке “Житие Козявина”» [3, с. 351].

Версия истории начала работы Шпаликова в анимации, которую излагает в своих мемуарах Хржановский, в деталях несколько отличается и даже противоречит фактам, зафиксированным в документах и деле фильма, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). «Сказка [“Житие Козявина”] действительно была замечательной. И хотя бюрократы и подлецы, описанные Щедриным, оказались воистину бессмертными – это нас и привлекало в экранизации его сказок, – возможность сделать сатирический

фильм на современном материале выглядела предпочтительней. Мы только решили, что конец будет другой: герой не будет умирать, как в сказке, ведь тип этот – неумирающий», – вспоминает режиссер в своих мемуарах [4, с. 281]. Однако в заявке Шпаликова фигурирует не одно произведение Лагина, а сразу три – «Кузя», «Житие Козявина» и «Про Ахмета», да и судьба главного героя завершается все-таки печально – в финале он умирает (как и в сказке Лагина):

«Л. И. Лагин написал множество сказок. Две из них я предлагаю вашему вниманию в качестве предполагаемого фильма: “Кузя” и “Житие Козявина”. Для автора (Л. И. Лагина) эти сказки сюжетно никак не находятся вместе, а лишь представляют из себя две короткие современные истории о людях, которые среди нас, но не являются украшением нашего общества – напротив – они являют из себя объект сатиры. Вот вам краткое их изложение в той последовательности, в которой я собираюсь писать сценарий, хотя в книге Л. Лагина, повторяю, сюжетно они не соединяются.

Жил некий мальчик Кузя, который попал под влияние своих недалеких родителей, всячески оберегавших его от реальной жизни с ее реальными трудностями. Оберегая Кузю, родители советовали ему всегда и всюду смотреть под ноги, ибо в этом – единственное спасение ото всех бед. И Кузя прилежно смотрел себе под ноги всю жизнь, так и не заметив ни синего неба, ни солнца, ни облаков, ни человеческих лиц.

Вторая история как бы продолжает первую.

“Житие Козявина” – это история жизни взрослого Кузи, эпизодов из нее. История поистине трагическая.

Козявин (он же – Кузя в детстве и юношестве) был исполнительным человеком, но всякой исполнительности есть свой предел. А исполнительность Козявина предела не знала. Он был беспредельно исполнительен, и это обстоятельство заставило его в поисках какого-то Сидорова, которого нужно было найти по случаю зарплаты, обогнуть весь земной шар. Причем всюду Козявин спрашивал: “Не видали товарища Сидорова? А то кассир пришел, зарплату выдавать будут”. Три года он потратил на розыски, вернулся ободраным, усталым, но исполнительского рвения не потерял.

Я уже писал выше, что история с Козявиным кончилась трагически: умер Козявин и по той же причине: не в меру был исполнительный человек, лишенный здравого смысла, инициативы и просто всякой нормальной человеческой самостоятельности, без которой жизнь не жизнь. Физкультурник, у которого он в санатории занимался утренней гимнастикой, сказал ему: “Вдох”. Козявин вдохнул, а физкультурника позвали в контору, и он забыл сказать Козявину “Выдох”. Козявин, поскольку приказаний на “выдох” не было, терпел сколько мог, но возможности любого живого существа находиться без кислорода ограничены небольшим временем, и Козявин стал жертвой собственного характера: умер Козявин.

Вот, вкратце, изложение этого сценария, который я бы назвал по второй сказке, – “Житие Козявина”. История эта, как мне кажется, поучительная и нужная. В нашем обществе нет места Козявиным и не должно быть.

Кроме того, я бы хотел использовать в сюжете этого сценария небольшую сказку “Про Ахмета”. Она может быть включена как рассказ родителей Козявина (Кузи), который (рассказ) должен отвратить Кузю смотреть на звезды, ибо случай с древним астрономом Ахметом, лишившимся из-за этой страсти головы, наглядно подтверждает мораль Кузиных родителей.

Г. Шпаликов» [5, л. 1–3] (фото 1).

Фото Г. Г. Шпаликов. Из личного архива Ю. А. Файта / Gennady Shpalikov. From the private collection of Yu. A. Fait

Козявин, описанный Шпаликовым в заявке, имеет еще очень мало общего с тем образом, который потом воплотит на экране Хржановский: это не абстрактный утрированный бюрократ, который ради достижения поставленной начальством цели разрушает все на своем пути, а вызывающий сочувствие мелкий исполнительный чиновник, бывший любознательный мальчик, психологически травмированный в детстве своими родителями. В первой версии сценария Шпаликов подробно описывает сцены детства Козявина, в которых происходит коренной перелом в характере главного героя:

«Ребенок [Кузя] в коляске продолжает улыбаться, протягивает руки к небу. И тут его перекрывает резко опущенный навес коляски. Снова экран темен. Представим себе, что дно коляски не мешает нам видеть маленького Козявина, и увидим его, лежащего лицом вниз. И то, что в свою очередь увидит он: серый асфальт, сточные решетки, окурки и прочий сор, потом большую лужу, и больше – ничего, из-за наступившей темноты, какая могла произойти от того, что коляску ввезли в подворотню.

Темный экран.

На нем появляются два нельзя сказать чтобы светлых пятна: это родители Кузи. Они смотрят вниз.

В руках у папаша – концы вожжей: вожжи эластичны и растягиваются, как резиновые.

Мы видим родителей в раме окна, вписанных в темный фон комнаты.

Духовой оркестр играет праздничный марш.

Мы попадаем под свод из разноцветных шаров и флагов.

На нас надвигаются смеющиеся лица, цветы, вот летит над головами “квадрига влюбленных коней” Большого театра: таким пока видит мир Кузя, скачущий, задрав голову, среди этого мира, натягивая продетые подмышки вожжи.

Папаша, с трудом сдерживая скакуна, говорит неодобрительно, глядя вниз:

– Как бы шею себе не сломал! Под ноги, под ноги себе смотри...

В соответствии с этой командой Кузя глянул вниз, но поздно: перед ним было зияющее отверстие люка. Не понервничай Кузя, не зачасти он ногами, услышав родительский окрик, пронесся бы он над люком, словно его и не было, а так... Лишь родительская рука спасла Кузю от жалкой участи, повис он, как мячик, набитый опилками, на резинке, над люком, качается, а голос над ним вещает:

– ...По горной тропинке подниматься будешь – опять-таки смотри под ноги: не ровен час, скатишься с верхотуры в самый овраг... Спускаться с горы будешь – пуще прежнего под ноги себе смотри, а то и до растяжения мышц недалеко...

Смотрит Кузя вниз, а под ним – темнота люка...

В темноте теплятся огоньки – то ли звездочки, то ли свечи горят – не поймешь.

Потянулся к одному из них Кузя, к той звезде, что поближе, только вскрикнул тут же и отдернул руку: это была свеча, горевшая у окна, в котором виделось звездное небо.

– Господи, смири гордыню неразумного раба твоего Кузьмы, – загундосила Кузина бабка, стоя на коленях и кладя поклоны...

И опустил на колени, и повесил голову Кузя...

Теперь их трое, распластанных на полу: бабка, Кузя и шкура убитого медведя...» [5, л. 20–22].

Хржановский вспоминает, что после того, как заявка на сценарий была принята и Шпаликов получил аванс, он «терпеливо ждал, когда Гена сможет приступить к сценарию. Он долго обещал начать писать “немедленно” (его любимое слово), но этого так и не случилось» [4, с. 283]. Документы, сохранившиеся в деле фильма, противоречат этой версии: согласно им, Шпаликов сдал на студию первый вариант литературного сценария на два месяца раньше, чем должен был это сделать по договору (до 20 июня 1964 г.). Спешка сценариста объяснима – 16 апреля того же года он был зачислен в штат киностудии «Ленфильм» в качестве режиссера-постановщика фильма «Долгая счастливая жизнь» по собственному сценарию.

«Уважаемый Михаил Михайлович, дела складываются так, что я должен немедленно уехать в Ленинград для постановки картины, – писал Шпаликов в письме на имя директора киностудии “Союзмультфильм” Михаила Валькова 14 апреля 1964 г. – Единственное, что меня задерживало, это ответственность перед вашей студией. <...> Если возникнут замечания по сценарию, я думаю, студия сочтет возможным послать Хржановского в Ленинград, где я смогу найти время для необходимой работы. Все денежные расчеты по сценариям я прошу производить через Хржановского» [6, л. 2].

Замечания не заставили себя долго ждать. Спустя десять дней, 25 апреля 1964 г., редактор «Союзмультфильма» Раиса Фричинская отправила сценаристу письмо со списком правок:

«При дальнейшей работе над сценарием “Житие Козьявина” вам необходимо учесть следующие замечания:

1. Точнее определить характер главного героя, а следовательно, и тему будущего фильма.

2. Подробнее разработать экспозицию сценария, определив его тематическую и сюжетную направленность. Пока что эпизоды, связанные с детством Козявина, не являются необходимыми в сценарии. Они требуют более точной разработки и более выразительного и характерного диалога.

3. Мы считаем также, что история Ахмета не связана с общей направленностью сценария, его смыслом и поэтому выглядит в сценарии инородной.

4. Что касается эпизодов, связанных с путешествием Козявина, то они, на наш взгляд, требуют отбора с точки зрения их художественной полноценности и необходимости для развития сюжета и характеристики главного образа.

5. Обратите внимание на диалог сценария. Сделайте его более сатирически заостренным» [6, л. 3].

Вставная новелла «Сказка об Ахмете» тормозила действие фильма и как будто бы уводила его сюжет в сторону, но для Шпаликова, не так давно напрямую столкнувшегося с советской цензурой и пережившего тяжелый опыт во время работы над «Заставой Ильича», это вряд ли был случайный эпизод. Его действие разворачивалось во время посещения семейством Козявиных Планетария, где под куполом, на сводчатом потолке проецировались диапозитивы с картинками из средневековой сказки об ученом-астрономе с комментариями лектора-чтеца:

«Будто не в нашем царстве, не в нашем государстве, жил в стародавние времена один сотрудник. Астроном. По имени Ахмет. И будто бы тот Ахмет придумал, как гасить небесные светила. По представившейся чрезвычайной надобности». Картинка сменяется следующей, на ней изображен султан («Прослышал про это султан, велел представить Ахмета пред его ясные очи. Представили...»). В том же кадре, как по волшебству, появляется Ахмет...

Новая картина: султан приставил палец к астролябии. Подпись такая: «А ну, – султан говорит, – погаси-ка мне во-о-о-он то светило! И ткнул пальцем в небо». Пререкания ученого и султана показаны очень быстрой сменой их изображений – в позах и жестах спорящих людей.

Все кончается повелительным жестом султана.

Ахмет таким же волшебным образом, каким он появился, исчезает на некоторое время, затем появляется вновь.

Тем временем сбегал Ахмет под конвоем к себе домой за надлежащим инструментом, что-то такое с тем инструментом проделал и докладывает:

– О, мудрейший отец и друг всех ученых и мыслителей, погашено светило согласно твоему гениальному указанию.

На новом кадре видно: задрал султан голову кверху...

“...а звезда как до того светила, так и сейчас горела ровным белым светом”.

Султан в разгневанной позе.

– Ах ты, – говорит, – вражий сын! Над родным султаном изгиляться вздумал?! Эй, слуги!..

На экране – умоляющий Ахмет.

Надпись гласит: “Отец и друг, – повалился ему в ноги Ахмет. – Не вели казнить, вели слово молвить!.. Я тебе всю объясню!..”

Мы видим султана, повернувшегося к ученому.

– На том свете объяснишь, подонок!..

И вот картина, изображающая толпу на площади перед эшафотом, где должны казнить Ахмета. Следующая картинка: мертвая голова Ахмета выставлена на городской стене – “всем другим Ахметам в поучение”.

На экране рядом с головой Ахмета появляется тень козявинской головы, недолго головы обращены друг на друга, но тут же голова-тень, отвернувшись, быстро удаляется.

Таким образом, для Козявина фильм-притча кончился на гибели Ахмета, поплатившегося за свою страсть к истине, которую он искал среди звезд» [5, л. 22–24].

Редакторы киностудии, разумеется, не могли не заметить двусмысленный подтекст этой сказки: даже для еще вполне «либерального» оттепельного 1964 г. эпизод про астронома Ахмета выглядел вызывающе. Однако вопреки замечанию Фричинской сказка, да и вся в целом первая часть сценария, описывающая детство Кузи, не выглядела «инородной» и работала на создание того образа Козявина, каким он получился в первом варианте «Жития». Повзрослевший Козявин – это «человек с опущенной головой» [5, л. 24], который всегда смотрит вниз и за плечами которого постоянно «кружат, обгоняя и оттесняя друг друга, два ангела: в том, который в сапогах, мы узнаем Козявина-старшего, второй ангел – мама Кузи, они наперебой поучают его:

– Смотри, сынок, не забывай: всегда смотри себе под ноги – как бы не споткнуться, не поскользнуться, шею себе не сломать!..» [5, л. 25].

Катаясь на коньках, Козявин не слышит ни звона льда, ни звуков музыки, в его ушах – «тишина, мертвая тишина», так как «он плотно и толсто укутан» и «смотрит себе под ноги, на галоши и осторожно ступает по льду катка, который он сам пересекает напрямик» [5, л. 25]. Даже столкновение с фонарным столбом и падение на голову сосульки не способны заставить его поднять голову и лишь повергают в длительное оцепенение, в котором он пребывает и на работе: «Аппарат наезжает на козявинское темя... Наплывом возникает темнота, перечеркнутая прутьями сточной решетки, и мы слышим девственно-простой звук, как если бы кто провел по решетке палкой – туда и обратно – дрын-дрын» [5, л. 27].

Хржановский в своих мемуарах утверждает, что работа Шпаликова не продвинулась дальше заявки (!): «В какой-то момент, во время очередной встречи, Шпаликов вдруг говорит: “Знаешь, Андрей, у меня столько договоров, под которые я получил аванс, – я не знаю, что делать... Авансы надо отрабатывать, а времени не хватает. Зачем тебе сценарист? Ты и придумать сможешь, и записать не хуже любого сценариста”. Честно сказать, я пришел в уныние. Увидев мое состояние, Шпаликов сел за пишущую машинку и выбил слова стихотворения, которое, по моему первоначальному замыслу, должно было прозвучать в фильме в виде песни во время кругосветного путешествия Козявина: “Ах, утону ли в Западной Двине...”» [4, с. 283].

Действительно, стихотворение Шпаликова «Ах, утону ли в Западной Двине» фигурирует в двух первых версиях сценария: «Песня Козявина» возникает в тексте в момент наивысшего отчаяния главного героя после того, как он попадает на некий архипелаг, населенный стаей пингвинов. Выбившийся из сил Козявин, изможденный бесконечным путешествием в поисках Сидорова, принимает пингвинов за своих двойников-козявиных и начинает петь песню, завершающуюся строчками «Страна не пожалеет обо мне, / И сослуживцы горько не заплачут...».

Все путешествие Козявина, описанное у Лагина несколькими предложениями, в первых двух вариантах литературного сценария превращено в бесконечный набор сцен, каждая из которых изощреннее и эффектнее предыдущей. Пожалуй, самый поразительный эпизод первой версии сценария «Козявина» – сцена в «Диснейленде», куда главный герой попадает после встречи с пингвинами:

«...А когда рассвело, Козявин понял, что находится в джунглях: на него просыпался град кокосовых орехов. Они падали ему на голову и под ноги, но Козявин не поднял головы и, следовательно, не мог видеть обезьян, забавлявшихся таким образом. А Козявин глядел под ноги и поплатился за это роковым образом.

Удав, свесившись сверху, замкнул Козявина в свое кольцо и обвился вокруг него раз, и другой, и третий. Видимо, жить Козявину оставалось недолго.

Когда последним перехватом змея сдавила горло, Козявин прохрипел, глядя ей в глаза:

– Сидорова не видала?

Змеиная усмешка была ему ответом.

Но тут случилось необычайное: змея по своей воле разомкнула кольцо. Высвободившись, Козявин продолжал стоять на месте, не получив от змеи никаких указаний насчет дальнейшего поведения.

И тогда к нему подскочил заяц – заяц не обыкновенный, а такой, каким его впервые нарисовал Уолт Дисней в своих фильмах.

Этот заяц, обращаясь с Козявиным так же бесцеремонно и задорно, как он обращался со своим приятелем – олененком Бэмби, выталкивает Козявина к воротам, отделяющим сказочную страну от прочего мира.

Мы читаем название этой страны, этого городка, построенного сказочником: Дисней-Ленд.

(По дороге к выходу Козявину будут встречаться Микки Маус, Дональд, Белоснежка и др[угие] персонажи Диснея. Надо, чтобы персонаж “Козявин” отличался от них примерно так, как отличается мультипликация наших дней от мультипликации того времени, когда эталоном ее достижений были фильмы У. Диснея)» [5, л. 40–41].

Учитывая все это, все-таки с трудом верится, что сценарист ограничил свой вклад в работу только одной песней «Ах, утону ли в Западной Двине...». Фабула короткого рассказа-фельетона Л. Лагина здесь превратилась в развернутое повествование из множества эпизодов, в которых характер Козявина раскрывался

с новых сторон. Для сравнения вот отрывок из текста Лагина: «— Есть! — сказал Козявин. И пошел в указанном направлении и пропал. Два года не было о нем ни слуху ни духу. На третий год является. Голодный, ободранный, худой-прехудой. Бородачища по колено. Оказывается, он вокруг всего земного шара в указанном направлении прошел и у каждого встречного спрашивал:

– Не видали товарища Сидорова? А то кассир пришел, зарплату выдавать будут» [7].

Специфическое чувство юмора автора сценария и неожиданные драматургические повороты выдают в авторе сценария «Житие Козявина» опытного литератора, которым начинающий режиссер Андрей Хржановский на момент своего дебюта в кино все-таки не был. Например, финал сценария дает разгадку секрета беспрепятственного пересечения Козявиным границ разных стран – преграды на его пути в виде пограничных шлагбаумов остаются позади, как только он показывает голубую книжечку с золотыми буквами на обложке. После гибели главного героя волны выносят на берег «козявинскую книжечку, теперь мы можем прочесть, что было написано золотыми буквами: “Член общества содействия озеленению города Тамбова”» [4, л. 47]. Даже фантазия Лагина не заходила так далеко: в его рассказе Козявин, в присутствии которого от скуки дохнут даже мухи, всего лишь становился чуть более эффективным средством борьбы с насекомыми, чем ДДТ (фото 2).

17 июля 1964 г. на киностудии «Союзмультфильм» состоялось заседание Художественного совета, на котором обсуждали вторую версию литературного сценария «Жития Козявина». Судя по стенограмме, Шпаликов присутствовал на нем лично (по всей видимости, он был в эти дни в Москве, так как 23 июня 1964 г. решением Государственной экзаменационной комиссии ему была присвоена во ВГИКе квалификация кинодраматурга – известно, что он защищался фильмом «Я шагаю по Москве» [8]):

«Вальков М. М.: Переходим к третьему вопросу – литературный сценарий “Житие Козявина”. Какие будут замечания?

Никитин В. А.: Мне сценарий очень нравится. Я прочитал и по первому впечатлению могу сказать – очень смешной сценарий и очень интересно сделан, по-моему. У меня нет желания откровенно говорить по деталям, хотя тут есть многое, что можно немножко по-другому сделать во имя выразительности будущей картины. Но я думаю, надо доверять режиссеру и его вкусу, иначе это значит уже влезать в чужую кухню.

А по литературному замыслу, мне кажется, можно вещь сделать очень интересно. А главное, у нас таких фильмов еще все-таки мало, и это будет развивать какую-то нашу линию, только недавно начатую.

Я не знал режиссера, который будет делать [этот мультфильм], только впервые узнал, что это будет молодой режиссер [Андрей Хржановский], поэтому у меня не предвзятое мнение, несмотря на некоторые очень осторожные слова, которые я слышал.

Я обеими руками за.

Снесарев А. Г.: Мне кажется, что все здесь зависит от режиссера. Материала здесь хватит. Очень много остроумного, по-настоящему тонкого. И очень приятно, что автор принял замечания Сценарного отдела, выкинув, например, эпизод с марширующими солдатами. <...> Это элегантней, интересней и тоньше.

[Фрагмент из первой версии сценария, о котором говорит А. Г. Снесарев, следующий: «Козявин не видит неба, расцветенного фейерверками по случаю национального

Фото 2. «– Есть! – сказал Козявин». Кадр из мультфильма «Жил-был Козявин». © «Союзмультфильм» / “– Will do! – said Kozyavin”. A frame from the animated film “There Lived Kozyavin” © Soyuzmultfilm Studio

праздника... Его подводят к центральной ложе, где в окружении приближенных сидит... Козявин. Да-да, он самый. То есть, конечно, не то чтобы он, но очень похож.

Козявины здороваются друг с другом, не поднимая голов, и садятся рядом.

Начинается парад. О его ходе мы узнаем из разговоров иностранных послов с козявинским двойником.

За кадром звучит то чеканный шаг пехоты, то рев танков.

К Козявину-местному наклоняется один из послов и говорит на несуществующем языке, напоминающем английский (мы читаем перевод в субтитрах):

– Ваше Величество, вы сможете сегодня наглядно убедиться, какую мощь представляют мои соотечественники, преданные и Вашему, и нашему Величеству.

Мы видим марширующие шеренги, но что это: солдаты все на одно лицо, и лицо это нам хорошо знакомо. Впрочем, только чудесной игрой природы можно объяснить такое сходство многих людей между собой и с Козявиным.

Затем к потупившему голову королю наклоняется другой посол и через переводчика на языке, похожем на немецкий, говорит (субтитры):

– Непереводаемая игра слов. Буквальный перевод означал бы: Ваше Величество, Вы непобедительны, и это не удивительно, ибо вполне убедительно.

В этот момент послышался гул самолетов, и тогда третий посол почти склонился над королем и сказал почти по-французски:

– Ваше Величество. И в лужах отражаются звезды, взгляните вниз. Там, наверху, Ваши соколы шлют Вам привет от нашей державы.

И король, а вместе с ним Козявин, еще ниже опустили головы и увидели тени, носящиеся в лужах...

А потом стемнело, и в лужах зажглись звезды» [5, л. 37–39].]

Все основные пожелания, которые могут быть, – к режиссеру, которому надо точно соблюсти развитие действия как снежный ком, чтобы все это было до предела идиотизма, со спадом и зарядкой. Это дает конструкция сценария, который очень уточнился, [стал] прямой и ясный, это идет как кода.

Так что я тоже за этот сценарий, считаю, что можно запустить.

Два слова о метраже. Желательно, чтобы это было все-таки в одну часть, потому что как бы это не было на две части растянуто, но это опять-таки [задача] для режиссера. Если сейчас запускать, не стоит даже пока точно определять метраж. Для автора можно считать, что это две части.

Атаманов Л. К.: Мне нравится тут очень многое, и я считаю, что тут много мультипликации и остроумного. <...> Выхваченный из толпы сам Козявин – я боюсь вот чего: его столкновения с окружающим миром, – оно должно быть, по-моему, ясней. Потому что в некоторых эпизодах непонятно: а может быть, и другие такие? Это очень неприятное ощущение. Для меня такой человек интересен в своем столкновении с окружающим миром. <...>

Фричинская Р. И.: У меня положительное отношение к этому сценарию. У меня даже и замечаний нет по нему. Мне кажется только, что тут многое будет зависеть от работы художника и режиссера, потому что этот характер будет складываться в поведении, в движении, в деталях и в рисунке. Скажем, проезд в троллейбусе или проход в учреждении – это тоже зависит от того, как он будет себя вести и как к нему будут относиться окружающие.

Мне кажется, что в экспозиции, может быть, еще дать один эпизод – некоторого отношения к нему сослуживцев. Может быть, какое-то мелкое поручение еще, чтобы мы окончательно знали, с кем имеем дело. <...>

И в заключение хочу сказать, очень приятно, что к нам пришел такой автор, как Шпаликов. Эта вещь сатирическая, такие вещи рождаются тяжело, и еще, конечно, будем вас мучить в работе.

Вальков М. М.: Для меня самое главное – хорошо, что он не плюнул, а продолжал работать. Это очень ценно. За это мы его уважаем. <...>

Никитин В. А.: Говорят, что не ясно отношение окружающих. В конце, в финале все становится на свое место, – все настолько довольны, что наконец похоронили Козявина. Нет, оказывается, он жив. Это великолепно. Какой же может быть еще показ отношения окружающих?

Единственный «недостаток» сценария, мне кажется, это от щедрости автора, потому что тут столько всего напридумано, что режиссеру надо только взять свой вкус в руки и отбирать, что оставить, что выкинуть.

Абрамова Н. Н.: Я уже говорила с режиссером, у меня были свои какие-то по этому поводу предложения. Мне казалось, что нужно больше стилизовать все это дело именно под житие. Мне казалось, что это даст ключ к большей шутейности и большей стилистике. Но оказалось, что это уже пробовали. <...> А вообще очень интересно, что из этого всего получится, потому что очень много всяких возможностей. Просто очень интересно, какой будет режиссерский сценарий. Литературного материала очень много. <...>

Хитрук Ф. С.: По-моему, можно работать. Хотя я более чем уверен, что многое в процессе работы изменится, уже многое изменилось по первому варианту, не исключено, что кое-что даже утеряно... <...> Как же понимать образ этого Козявина? Я больше всего боюсь, если это получится Акакий Акакиевич, какой-то мученик. Мне представляется, что от этого Козявина в свое время намучились немало. Ему не дана власть в руки, но не все еще выкорчевано из того темного времени, это осталось, это живуче, и этот образ Козявина в какой-то степени нарицательный. Поэтому трактовка Козявина должна быть очень точной.

Опять же, это не унтер Пришибеев. Тут должно быть абсолютно точно.

Мне кажется, автор сценария в этом отношении для себя точно уяснил, и за этим надо проследить.

Меня очень радует этот альянс. Я видел здесь [художника Ильдара] Урманче, думаю, что он не случайно здесь сидел. Думаю, что само по себе это дает нам право ожидать интересной вещи.

И хорошо, что Андрей [Хржановский] начинает сейчас с такой трудной вещи, очень трудной. Никто этого не скрывает. Вещь необычайно трудная, во-первых, потому, что она очень важна по мысли, во-вторых, по своему построению требует новых, во многом для нас самих еще не изученных средств и приемов, но этим, вероятно, она и интересна.

Я хочу только выразить надежду, что в процессе режиссерской разработки, если к этому делу пойдет, по возможности принял бы участие и автор сценария. Без него здесь будет очень трудно.

Вальков М. М.: Я тоже хотел начать и кончить только одним: очень трудное дело. Поэтому не будем обольщаться хорошими отзывами о сценарии, в общем предстоит большая, кропотливая работа. Будем держать серьезный экзамен на зрелость мультипликации.

Мы много мультипликаций сделали, последние годы поднята очень важная проблематика в нашем искусстве, но это, мне кажется, еще один шаг вперед в этом направлении. Так что надо, с сознанием ответственности за работу, ее продолжать. Полагаю, что сценарий позволяет эту работу продолжать. Нам предстоит показать сценарий еще в разных инстанциях. Предстоит не одно согласование. Но надеемся, что сценарий будет поддержан и в других местах.

Хитрук Ф. С.: Я думаю, поскольку мы его одобрили здесь, надо будет его и защищать, если это потребуется.

Вальков М. М.: Несомненно. Я лично убежден, что это дело стоящее, беспспорно. Значит, есть предположение сценарий одобрить и запустить в режиссерскую разработку.

Шпаликов Г. Ф.: Во-первых, я хотел поблагодарить Федора Савельевича [Хитрука], потому что он очень помог работе, и вообще студию, потому что работа, действительно, очень сложная, и я убежден, что она только началась. И то, что она долго шла, наверное, свидетельствует о сложности. И она будет, наверное, необычайно сложна по той работе, которая предстоит Андрею и художнику. Но надеюсь, что, если студия так же решительно,

как сейчас, будет во всех инстанциях это говорить, это во многом облегчит работу. Потому что, как только начнутся начальственные окрики по этому делу, может нарушиться внимание. Со своей стороны я обещаю делать все, чтобы работа была завершена в самом хорошем виде. И, конечно, я дальше буду работать с Андреем, хотя мне и трудно будет по многим обстоятельствам» [6, л. 16–23] (фото 3).

Несмотря на то что вторая версия литературного сценария «Жития Козявина», в которой уже не было ни детства Кузи, ни сказки об Ахмете (не ее ли держал в голове Шпаликов, когда говорил о «начальственных окриках?»), была единогласно одобрена и поддержана членами Художественного совета, работа над следующим этапом затянулась до 1965 г. Возможно, Шпаликов «пропал» именно в этот момент, когда возникли новые претензии к литературному сценарию. Через пару лет, в 1966-м, нечто похожее произойдет во время работы над сценарием «Стеклянной гармоникой»: Шпаликов точно так же «исчезнет» после сдачи второй версии литературного сценария, и Хржановскому придется завершать работу уже самостоятельно.

«Теперь я могу сказать, что благодарен Шпаликову за то, что он пустил меня в самостоятельное плавание в качестве сценариста под его именем, как ходят морские суда многих стран под флагом покровительницы торгового флота Либерии. Без этого поступка Гены, давшего свое авторитетное имя в титрах моих первых работ, не было бы этих фильмов. И уж во всяком случае, не было бы у меня возможности сделать их такими, какими они получились», – пишет Андрей Хржановский в своих воспоминаниях [4, с. 284]. На самом деле в мемуарах режиссера определенно есть абберрация памяти, но нет противоречия: последние версии режиссерских сценариев его первых анимационных фильмов и финальный результат на экране имеют мало общего с замыслами и текстами Шпаликова. Сценарист «не сдавал» свое имя в аренду – выполнив свои обязательства по договору, он просто самоустранился после появления очередных претензий к литературному сценарию.

К тому моменту, когда была официально начата режиссерская разработка сценария «Козявина» (27 апреля 1965 г.), у Художественного совета и сценарно-редакционной коллегии киностудии «Союзмультфильм» накопился новый набор претензий к литературному сценарию. Режиссеру было рекомендовано следующее:

«1. Точно определить образ главного героя Козявина, который в литературном сценарии выглядит не столько как объект сатиры, сколько как фанатик долга и, вопреки авторскому замыслу, может вызвать лишь сочувствие зрителей.

В этой связи особенное внимание нужно обратить на экспозицию сценария, которая в литературном варианте, по существу, отсутствует и в которой нужно точно определить: кто такой Козявин.

2. В литературном варианте драматургическое действие сценария ослаблено, в нем присутствуют случайные эпизоды, придающие ему фрагментарность. В работе над режиссерским вариантом нужно точно отобрать эпизоды

по смыслу и по нарастающую действию, с тем чтобы у зрителей не ослабевал интерес к фильму, и идея его была ясна.

3. Следует серьезно подумать над введением в сценарий дикторского текста, который в манере житийной литературы иронически комментировал бы поступки Козявина, полнее очерчивая его характер, и который мог бы стать стилистическим приемом фильма.

Фото 3. Кадр из мультфильма «Жил-был Козявин».
© «Союзмультфильм» / A frame from the animated film
“There Lived Kozyavin” © Soyuzmultfilm Studio

4. При разработке сценария нужно избегать непонятных эпизодов, формальных ребусов, т. к. картина “Житие Козявина” должна быть обращена к самым широким кругам зрителей.

Гл. редактор студии Н. Родионов
23 апреля 1965 г.

Соглашаюсь с рекомендациями худсовета и сценарно-редакционной коллегии и думаю, что при более подробной разработке режиссерского сценария “Житие Козявина” будут выполнены эти пожелания.

26 апреля 1965 г.

Профессор [ВГИК] С. К. Скворцов» [6, л. 5].

При обсуждении режиссерского сценария «Житие Козявина» 9 июня 1965 г. фамилии Шпаликова среди участников уже нет, мало того, он даже не упоминается, а Хржановский отвечает на замечания старших коллег уже с немалой долей раздражения:

«**Брумберг В. С.:** Сценарий чрезвычайно растянут. Эпизодов много, и у них нет смысловых точек. Поэтому сценарий очень трудно читать. У Лагина это маленькая сказка – анекдот, и фильм должен быть коротким, в одну часть.

Материал сценария еще не организован. Его обязательно нужно интересно организовать. От обилия эпизодов теряется основная мысль. Нельзя насильно растягивать метраж. В этом основная ошибка сюжета. Здесь есть разрыв между содержанием и разработкой его. Такая тема требует другой формы.

Атаманов Л. К.: Мне нравится основная мысль сценария. Но я кое в чем согласен с В. С. Брумберг. Сценарий очень растянут. Повторы со стрелками могут надоесть. Хотя отдельные эпизоды мне нравятся.

Я советую режиссеру делать этот фильм в одну часть. Нужно организовать материал так, чтобы было интересно смотреть, как этот человек ходит по земле, выполняя задания начальника. <...>

Хитрук Ф. С.: Каждый по-своему видит эту вещь. И я ее вижу по-своему, поэтому в чем-то можно ошибиться.

Я считаю, что интерес к сценарию пропадает от чрезмерного метража. Некоторые эпизоды слишком велики и не стоят на месте. Например, эпизоды с женщиной и бандитами. Такие эпизоды могли бы быть, если бы фильм был о приключениях Козявина, а не о его житии. Это чувствуется и в раскадровке.

Характер Козявина еще не очень точен. Что это за человек? Может быть, он вообще бесхарактерный? Но ведь у него есть характер и страшный. Сценарий все это мельчит. Раскадровка сделана хорошо, но еще нет стилистики фильма, нет самого героя, его «мучений».

Сценарий можно сократить, но если не будет четкого характера Козявина, если не будет ясно, против кого направлен этот сценарий, то мы не достигнем цели.

Что касается отдельных деталей и конкретных замечаний по эпизодам, об этом я могу сказать потом режиссеру. Повторяю, метраж завышен. Мне жаль, что некоторые эпизоды выпали. Например, «Северный полюс».

Нужно обратить также внимание и на ритм вещи.

Считаю, что режиссер мало сделал за 5 месяцев работы. <...>

Снесарев А. Г.: Я не считаю, что Хржановский мало поработал над сценарием. Много в этом варианте стало яснее, чище. Идет нагнетание одних и тех же эпизодов. И получается, конечно, не житие, а приключения Козявина.

Нужно отобрать эпизоды. Экспонировать героя. Придумать прием для дикторского текста. Нужно показать тупого исполнителя, доводящего любое порученное ему дело до абсурда.

Хотелось бы стилизовать текст под житийную литературу.

Обо всем этом мы говорили режиссеру и раньше.

Хржановский А. Ю.: Мне очень трудно отвечать на критику – из-за ее чрезвычайной неконкретности. Если, резюмируя все высказывания, можно считать, что сценарий заслуживает продолжения работы над ним, то необходимо указывать на конкретные эпизоды, требующие пересмотра. Ведь немислимо же требовать механических сокращений. Поэтому я должен сказать, что выступления членов худсовета, к сожалению, не дают возможности сделать конкретные выводы для дальнейшей работы.

По поводу упреков в затянутости я могу ответить следующее. В основе сценария – анекдот, взятый от Лагина: Козявин обошел вокруг земного шара. Для создания этого образа необходимо определенное количественное накопление, которое бы суммировалось в качество – в образ. Если этого не делать, придется писать по сути дела новый сценарий. Но таких требований я не слышал. Парадокс налицо.

Что касается характера Козявина – у него вполне определенный характер: Козявин боится ответственности и, как следствие этого, предпочитает

выступать в роли бездумного исполнителя. Найдены новые детали, которые прояснили экспозицию именно в этом плане.

В каждом столкновении Козявин раскрывается разными гранями своего характера. Своими действиями он наносит вред, прямо или косвенно.

Я жалею, что художественный руководитель работы [С. К. Скворцов] не смог присутствовать на худсовете. У него положительное мнение о сценарии. Михаил Михайлович [Вальков] собирался довести его до сведения членов худсовета. <...>

Ефимов Б. Е.: Я согласен с замечаниями В. С. Брумберг. В этом сценарии есть какая-то диспропорция между основной мыслью и ее разработкой. Я не понял, для чего это все придумано. Если бы сценарий был короче, тогда было бы все гораздо яснее. А пока я не понял, кто такой Козявин. Сценарий нуждается в сокращении.

Родионов Н. И.: У меня критическое отношение к сценарию. Эти же недостатки были в первых вариантах сценария. Здесь произошло жанровое смещение. Тут и памфлет, и комедия с бытовыми элементами. (Амур, женщина.)

Нужно придерживаться определенного жанра, определенной стилистики вещи.

Мы неоднократно говорили режиссеру о том, что прием нельзя использовать до бесконечности. Сценарий требует лаконизма, памфлетности. Сейчас же эпизоды не связаны идеей, смыслом.

Вальков М. М.: Согласен с критикой сценария. Над ним еще нужно много работать. И все-таки мне бы хотелось поставить этот сатирический фильм, высмеивающий подобных Козявиных. Вещь сложная. Автор мало знаком с мультипликацией, а режиссер еще не имеет профессионального опыта, поэтому работа идет трудно.

Художественный руководитель постановки С. К. Скворцов не видит в сценарии крупных недостатков. Он считает, что сценарий сложился, верит в режиссера и художника и просит довериться им эту вещь. Что касается сокращений, то ему кажется, что они приведут к невнятности рассказа.

Однако следовало бы поддержать мнение тех товарищей, кто рекомендует сократить и прояснить сценарий.

Закадровый текст, видимо, необходим, и его нужно написать уже сейчас. Студия будет работать над этой вещью, но режиссеру следует серьезно потрудиться над сценарием.

Решение: Поскольку представленный на обсуждение режиссерский сценарий “Житие Козявина” не может послужить основой для дальнейшей работы, Художественный совет рекомендует режиссеру переработать сценарий с учетом следующих замечаний:

1. Ликвидировать фрагментарность сценария, отобрав наиболее важные для характеристики Козявина эпизоды и организовать их четким дикторским текстом. В связи с этим желательно ограничить материал фильма одной частью.

2. Все эпизоды, которые войдут в фильм, должны быть разработаны весело и изобретательно, поскольку основная задача фильма – высмеять людей, подобных Козявину.

3. Следует отметить, что в связи с недостаточной разработкой режиссерского сценария раскадровка получилась неинтересной и не отвечающей своей задаче эскиза зрительного ряда будущего фильма» [6, л. 7 – 11].

В конце концов, во второй половине 1965 г. студия привлекла к затянувшейся работе над «Козявиным» автора литературной основы – самого Лагина. 7 октября 1965 г. с ним был подписан договор, согласно которому писатель должен был сделать переработку литературного сценария по утвержденному студией либретто и получить за это вторую часть гонорара Шпаликова. 27 октября 1965 г. члены сценарно-редакционной коллегии А. Снесарев и Р. Фричинская подали директору студии объяснительную записку с просьбой выплатить писателю деньги: «В связи с тем, что литературный сценарий Г. Шпаликов “Житие Козявина” имел существенные недостатки и нуждался в серьезной доработке, мы привлекли к работе автора сказки “Житие Козявина” известного писателя Л. Лагина. Л. Лагин коренным образом перестроил сценарий, написал дикторский текст, ввел новые сцены и эпизоды, обогатил сценарий новыми деталями, придумал новый финал» [6, л. 26].

«Сценарий этот должен послужить основой для сатирического фильма о человеке, лишенном всякой инициативы, привыкшем механически, формально подходить к делу, во всем перегибать палку, – говорилось в либретто. – Именно такие люди способны опозлить любую, даже самую верную идею, даже самое доброе дело. Именно они представляются нам особо нетерпимыми в нашем обществе, где большинство занято творческим созидательным трудом. Это большинство противостоит нашему герою, и это делает его еще более несостоятельным. Значительность этой темы, подсказанная нам одноименной сказкой писателя Л. Лагина, как нам кажется, позволит создать интересный и нужный фильм» [6, л. 6].

В версии сценария Лагина Козявин лишился последних остатков свободы воли: направление движения в кадре ему теперь указывала пунктирная линия, а фирменная реплика – «Не видали Сидорова? Его начальник зовет: кассир пришел» – озвучивалась не его собственным, а закадровым голосом диктора. И что важнее – он так и не достигал своей цели, не находил товарища Сидорова, не получал избавления. В отличие от сценария Шпаликова:

«Собравшись с последними силами, дошел Козявин до родного учреждения. И вот что он услышал, входя в него. Перекрыв волнение зала, оратор говорил:

– Торжественно-траурный митинг, посвященный третьей годовщине с того дня, как от нас своевременно и навсегда ушел самозабвенный товарищ Козявин, разрешите считать открытым. Слово имеет товарищ Сидоров...

Раздались аплодисменты.

Но что это? Расступилась толпа, давая дорогу Козявину, который приближался к цели своих исканий – к товарищу Сидорову.

И только Сидоров в неподдельной горести произнес:

- Прощай, Козявин! – как:
- Здравствуй, Сидоров, – слышалось рядом. – Зарплату дают...

Здесь силы покинули Козявина, пошатнулся он всем своим слабым телом и с грохотом, какой могло произвести лишь падение чугунной статуи, повалился на землю...» [5, л. 20–22].

Автор публикации выражает признательность М. Закоян за помощь в архивной работе во время подготовки текста статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулагин А. Шпаликов. М.: Молодая гвардия, 2017. – 278 с.
2. Долгая счастливая жизнь. Инструкция для начинающих / Под ред. С. Дединского и Н. Рябчиковой. М.; СПб.: Искусство кино; Подписные издания, 2021.
3. Сегодня вечером мы пришли к Шпаликову: Воспоминания, дневники, письма, последний сценарий / Сост. А. Ю. Хржановский. М.: Рутения, 2018. – 816 с.
4. Хржановский А. Ю. Дорогие мои... хорошие... М.: Рутения, 2020. – 744 с.
5. «Житие Козявина» (литературный сценарий) Г. Ф. Шпаликова по мотивам сказок Л. И. Лагина (варианты). 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 2469. Оп. 2. Ед. хр. 113.
6. Дело фильма «Жил-был Козявин» (протоколы, договор, переписка) // РГАЛИ. Ф. 2469. Оп. 2. Ед. хр. 115.
7. Лагин Л. Житие Козявина // Лагин Л. Съеденный архипелаг. Сатирические сказки и памфлеты. М.: Советская Россия, 1963.
8. Я шагаю по Москве. Возвращение в утопию. Под ред. С. Дединского и Н. Рябчиковой. М.; СПб.: Искусство кино; Подписные издания, 2022.

REFERENCES

1. Kulagin A. *Shpalikov*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2017. 278 p.
2. *Dolgaya schastlivaya zhizn'. Instruktsiya dlya nachinayushchikh Pod. red. S. Dedinskogo i N. Ryabchikovoy* [A long happy life. An instruction for beginners. Ed. by S. Dedinskogiy & N. Ryabchikova]. Moscow; Saint Petersburg: Iskustvo kino; Podpisnyye izdaniya, 2021.
3. *Segodnya vecherom my prishli k Shpalikovu: Vospominaniya, dnevniki, pis'ma, posledniy stseneriy* [Tonight we've come to see Shpalikov: Memoirs, diaries, letters, the last screenplay] / Sost. A. Y. Khrzhanovsky. Moscow: Ruthenia, 2018. 816 p.
4. Khrzhanovsky A. Y. *Dorogie moi... khoroshie...* [My dear ones... my good ones...]. Moscow, Ruthenia, 2020. 744 p.
5. *"Zhitie Kozyavina" (literaturnyy stseneriy) G. F. Shpalikova po motivam skazok L. I. Lagina (varianty)*. 1964 g. ["The life of Kozyavin" (screenplay) by G. F. Shpalikov based on the tales of L. I. Lagin (versions)]. RГАLI. F. 2469. Op. 2. Ed. khr. 113.
6. *Delo fil'ma "Zhil-byil Kozyavin" (protokoly, dogovor, perepiska)* [Materials on the production of the film "There lived Kozyavin" (minutes, contract, correspondence)]. RГАLI. F. 2469. Op. 2. Ed. khr. 115.
7. Lagin L. *Zhitie Kozyavina*. In: Lagin L. *S'yedennyi arhipelag. Satiricheskiye skazki i pamflety* [The life of Kozyavin. The eaten archipelago. Satirical tales and pamphlets]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1963.
8. *Ya shagayu po Moskve. Vozvrashchenie v utopiyu* [I walk around Moscow. A return to utopia]. Ed. S. Dedinskogo i N. Ryabchikovoy. Moscow; Saint Petersburg: Iskustvo kino; Podpisnyye izdaniya, 2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дединский Станислав Николаевич – магистр искусствоведения (искусство кино), продюсер издательских проектов киностудии «Союзмультфильм», главный редактор киноведческого проекта 1895.io, главный редактор журнала «Искусство кино».

E-mail: mnm1zm@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1396-8251

ABOUT THE AUTHOR

Stanislav N. Dedinskiy – Master of Arts (film studies), producer of publishing projects at Soyuzmultfilm film studio, editor-in-chief of film scholarly project 1895.io., editor-in-chief of film magazine “Iskusstvo Kino”.

E-mail: mnm1zm@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1396-8251

Статья поступила в редакцию: 12.07.2022

Отредактирована: 06.08.2022

Принята к публикации: 12.08.2022

Received: 12.07.2022

Revised: 06.08.2022

Accepted: 12.08.2022

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дединский С. Н. Геннадий Шпаликов приходит в анимацию: материалы к истории создания фильма «Жил-был Козьявин» // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2022. № 3. С. 117–136.

DOI: 10.35852/2588-0144-2022-3-117-136

FOR CITATION

Dedinskiy S. N. Gennady Shpalikov enters animation: Documents related to the production history of “There Lived Kozyavin”. *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*. 2022, no. 3, pp. 117–136.

DOI: 10.35852/2588-0144-2022-3-117-136